

Вряд ли смогу описать свое состояние после этой душераздирающей сцены. Она была фантастична, ужасна и вместе с тем вызывала жалость к безумному старику. Хотя продавец из бакалеи предупреждал меня, действительность превзошла все мои ожидания. История производила впечатление ребяческой, но серьезность, с какой Зедок говорил, и его неподдельный ужас не могли не передаться. Во мне нарастало беспокойство, а если учесть изначальную мою неприязнь к городу и смутное ощущение нависшей над ним опасности, то немудрено, что меня тянуло поскорее его покинуть.

Я решил, что позже поломаю голову над этой аллегорией и постараюсь извлечь из нее рациональное зерно, сейчас же лучше выбросить ее из головы. Время несло с угрожающей быстротой — часы показывали пятнадцать минут восьмого, а архемский автобус в восемь часов отходил с Городской площади. Стараясь перевести мысли в более практическое русло, я быстро шел пустынными улицами мимо покосившихся домов с завалившимися крышами, торопясь как можно скорее добраться до гостиницы, забрать оставленный там чемодан и сесть в автобус.

Хотя вечернее солнце пролиvalo мир и покой на старинные кровли с осевшими трубами, надевая их таинственной прелестью, я все же поминутно с опаской оглядывался. Мне не терпелось вырваться из зловонной и пугающей атмосферы Инсмута. Жаль, что не было выбора. Предпочел бы ехать на чем угодно, только не садиться в автобус, который вел Сарджент — шофер со зловещей наружностью. Рассчитав, что на всю дорогу мне потребуется не более получаса, я позволял себе изредка бросить взгляд на дома с интересной архитектурой.

Желая добраться до площади новым путем, я выбрал на плане тот, что шел через Марш-стрит. Неподалеку от поворота на Фолл-стрит стали попадаться небольшие группки шушукающих горожан, а выйдя наконец на площадь, я увидел, что вся празднующая публика околачивается около дверей «Джилмен-Хауз». Когда я вышел с багажом из гостиницы, мне показалось, что все они настороженно смотрят на меня своими выпученными, водянистыми, немигающими глазами. Как мне хотелось, чтобы никто из них не оказался моим соседом в автобусе!

Еще не было восьми часов, когда послышалось характерное гроыхание и появился автобус с тремя пассажирами. Неприятный на вид мужчина, один из шатающихся у гостиницы, что-то тихо сказал шоферу. Сарджент, взвалив на плечо мешок с почтой и держа в руках пачку газет, вошел в гостиницу. Пассажирами оказалась все та же троица, прибывшая в Ньюберипорт утром. Они неуклюже выбрались из автобуса, обменялись с мужчиной, разговаривавшим с водителем, несколькими репликами на странном гортанном языке. Могу поклясться, то был не английский. Войдя в пустой салон, я сел на прежнее свое место. Но не успел толком устроиться, как вернувшийся Сарджент пробормотал своим гнусным голосом нечто, донельзя меня огорчившее.

Получалось так, что мне катастрофически не повезло. Хотя автобус прибыл из Ньюберипорта с исключительной точностью, но дальше не шел: по словам шофера, барахлил мотор. На мой вопрос, есть ли надежда, что поломку удастся быстро устранить и могу ли я рассчитывать попасть в Архем еще сегодня, Сарджент ответил отрицательно. Нет, никаким другим транспортом туда не добраться. Он очень сожалеет, но мне придется заночевать в гостинице. Учитывая обстоятельства, с меня, возможно, возьмут неполную плату. В любом случае другого выхода нет. Ошеломленный неожиданной задержкой и раздосадованный тем, что придется провести ночь в этом угрюмом, гнилом городе, я покинул автобус и снова вошел в гостиничный холл. Мрачный ночной портъе, показавшийся мне подозрительным, сказал, что я могу занять комнату 428 на втором этаже — просторную, но без воды. Стоить это будет доллар.

Что мне оставалось делать! Расписавшись в регистрационной книге и заплатив доллар, я последовал за неразговорчивым портье, несшим мой чемодан, по скрипучей лестнице наверх, а затем по пыльным безлюдным коридорам к моему отдаленному номеру. Это оказалась довольно унылая, бедно обставленная комната, одно окно которой выходило на грязный двор, а другое — на ряд заброшенных кирпичных домов. Вдали, за накренившимися полуразрушенными крышами, тянулось болотистое предместье. В конце коридора помещалась ванная, каких уже нигде не встретишь. В этой обитой заплесневелыми деревянными панелями комнате я разглядел при слабом освещении старую мраморную ванну, жестяной тазик и умывальник.

Было еще светло. Я спустился на площадь и огляделся, желая где-нибудь пообедать. Прохожие все так же недоброжелательно пялились на меня. Бакалея уже закрылась, и поэтому мне пришлось-таки отправиться в столь не понравившийся ресторан. Посетителей обслуживали сутулый мужчина с головой огурцом и выпученными немигающими глазами и девочка с приплюснутым носом и невероятно толстыми неловкими руками. У ресторана не было своей кухни, здесь подавали еду из консервов и пакетов, но меня это только порадовало. Быстро съев тарелку овощного супа с крекерами, я вернулся в гостиницу, купил в киоске у хмурого продавца вечернюю газету и засиженный мухами журнал и поднялся в свою мрачную комнату.

Сумерки сгущались. Я включил тусклую электрическую лампочку, висевшую над простой железной кроватью, и попытался сосредоточиться на чтении. Мне необходимо было отвлечься. Ни в коем случае, сказал я себе, не стоит сейчас думать о странностях, замеченных мною в этом старом погибающем городе. По крайней мере до тех пор, пока я его не покину. Безумный монолог престарелого пьянчужки не сулил мне приятных сновидений. Надо было во что бы то ни стало стереть из памяти эти дикие, выцветшие, слезящиеся глаза.

Хорошо бы позабыть и рассказ некоего инспектора фабрик об этой гостинице и таинственных ночных голосах, переданный мне кассиром в Ньюберипорте. И мелькнувшее в темноте церкви лицо под тиарой, ужаснее которого я не видел в своей жизни. Не будь комната столь промозглой, было бы легче не думать обо всех этих волнующих вещах. Но пронизывающая сырость ассоциировалась у меня в мозгу с царящим в городе рыбным зловонием и поневоле вызывала мысли о смерти и разложении.

Беспокоило и отсутствие на двери задвижки. Свежие следы говорили о том, что ее сняли недавно. Видимо, она не работала, как и многое в этом ветхом здании. Нервно оглянувшись, я увидел задвижку на комодке. Несомненно, это была именно она. Следы соответствовали ее размеру. Чтобы как-то разрядиться и справиться с нахлынувшим волнением, я занялся прилаживанием ее на прежнее место. Чего только я не использовал при этом: и складной нож, и отвертку, благо оба эти предмета всегда возил с собой на кольце для ключей. Справившись с этим делом, я несколько успокоился: теперь перед сном можно было запереться. Я не очень-то полагался на прочность засова, но даже эта символическая защита действовала в такой ситуации умиротворяюще. Похожие запоры были на дверях, ведущих в две соседние комнаты, я их тоже постарался укрепить.

Я не раздевался, решив почитать, а потом лечь, сняв только пиджак, воротничок и ботинки. Достав из чемодана зажигалку, сунул ее в брюки: если проснусь в темноте, смогу взглянуть на часы. Спать, однако, все не хотелось. Помаявшись, я поймал себя на том, что постоянно прислушиваюсь к малейшему шороху, словно чего-то ожидаю. Неведомого и ужасного. Рассказ инспектора произвел, видимо, на меня более сильное впечатление, чем я думал. Попробовал было снова читать, но вскоре бросил эти бесплодные попытки.

Некоторое время спустя на лестнице и в коридоре послышался скрип, кто-то ходил, и я

подумал, что, должно быть, прибыли новые постояльцы. Голосов, однако, не было слышно, да и ходили как-то чересчур осторожно, будто таясь. Это мне не понравилось, и я решил, что спать не стоит. В городе попадались подозрительные личности, несколько приезжих здесь уже пропало. Может, в гостинице убивают с целью грабежа? Но я не произвожу впечатления состоятельного человека. Или же местный люд не выносит любопытных туристов? Тогда мой очевидный интерес к городу, прогулки и листок с планом города, в который я то и дело заглядывал, могли произвести неприятное впечатление. Поразмыслив, я в конце концов решил, что у меня просто шалют нервы. Подумаешь, какой-то скрип... И все же жаль, что у меня нет при себе оружия.

Время шло. Спать не тянуло, зато навалилась усталость. Я закрыл дверь на задвижку, выключил свет и лег не раздеваясь, прямо в пиджаке и ботинках, на жесткую неровную постель. В темноте каждый звук казался зловещим, и меня одолели тревожные мысли. Зачем я только выключил свет? Но подняться и зажечь его снова не доставало сил. После некоторого затишья половицы опять заскрипели, а затем послышались звуки, в происхождении которых сомневаться не приходилось. Сбывались мои самые дурные предчувствия. Ошибки не было: кто-то осторожно и опасливо пробовал открыть ключом дверь.

Страх, испытанный мною в эти минуты, наверняка был бы еще острее, не предшествуй ему смутное ожидание опасности. Без особых на то оснований я все время находился настороже, и теперь это помогло мне. Что бы ни случилось, я ко всему был готов. И все же переход от неопределенных предчувствий к реальной угрозе оказался довольно резким. У меня сжалось сердце. Кто-то мог просто ошибиться номером, но мне это даже не приходило в голову. Убеждение, что за дверью стоит злоумышленник, крепло, я затаил дыхание и прислушался, ожидая, что будет дальше.

Вскоре тихое бряцание ключей прекратилось, а затем я услышал, как кто-то вошел в соседний номер. Опять повторилась история с ключом, теперь пытались открыть боковую дверь. Но и здесь задвижка не подвела. Пол снова заскрипел. Взломщик удалился. Через пару минут тихо щелкнул замок левого номера, на этот раз вошли туда. Подергав смежную дверь, неизвестный снова вышел в коридор. По удаляющемуся скрипу я понял, что он, миновав коридор, спустился по лестнице. Итак, взломщик понял, что я обхитрил его, и на какое-то время сдался. На какое? Мне это предстояло узнать.

План действий созрел быстро. Должно быть, подсознательно я ждал какого-то подвоха, потому и готовился к отступлению. С самого начала было ясно, что речь может идти только об отступлении — сопротивляться не имело смысла.

Нужно было уносить ноги из гостиницы как можно скорее, пока цел, но ни в коем случае не через парадный вход.

Неслышно поднявшись, я зажег карманный фонарик, чтобы поскорее найти выключатель. Чемоданом придется пожертвовать, но кое-что из вещей можно с собой захватить. Однако, сколько я ни щелкал выключателем, лампочка не загоралась. Свет отключили. Против меня, судя по всему, затевается крупная акция. Как только она будет осуществляться? Пока я так стоял, держа руку на выключателе, и размышлял, этажом ниже послышался приглушенный скрип и, как мне показалось, голоса беседовавших людей. Но минуту спустя появилось сомнение: слишком уж не походили на человеческую речь эти хриплые, лающие звуки, а то и откровенное кваканье. Только теперь я осознал, что именно слышал инспектор ночью в этом ветхом и зловещем доме.

Набив карманы при свете фонарика всем необходимым, я надел шляпу и на цыпочках

подкрался к окну. Меня интересовало, можно ли бежать этим путем. Против всех правил, пожарная лестница в гостинице отсутствовала. Окна номера выходили на мощный булыжником двор. Однако справа и слева к гостинице примыкали кирпичные постройки. Можно попытаться прыгнуть на пологую крышу одной из них, но только не из моей комнаты. Для побега придется перейти в третий от меня номер — справа или слева, и я стал лихорадочно соображать, как удачнее это проделать.

Выходить в коридор опасно, могут услышать. Мне не дадут даже ступить в нужную комнату. Может, пробраться через менее прочные смежные двери, выбив их плечом со всеми замками и задвижками? Учитывая ветхость дома и самих засовов, это вполне возможно. Но тут вставал другой вопрос: как попасть туда бесшумно? Спасти меня могла только скорость. Нужно добраться до окна раньше, чем враги сообразят, в какой комнате я нахожусь. Свою дверь, стараясь не производить лишнего шума, я припер комодом.

Понимая, что шансы на спасение ничтожны, я был готов ко всяким неожиданностям. Даже если мне удастся попасть на соседнюю крышу, это ничего не решит. Нужно еще спуститься на землю и выбраться из города. Обнадеживало то, что прилегающие к гостинице строения походили на груды развалин и явно пустовали. В их крышах зияли внушительные дыры.

По плану юноши-продавца получалось, что из города проще выбраться с южной стороны, и поэтому сначала я занялся той дверью, что была обращена к югу. Она открывалась ко мне, и после тщательного обследования задвижки и замка стало ясно, что с ней придется повозиться. Этот путь к спасению отпадал, и я придвинул к южной двери кровать, чтобы обезопасить себя и с этой стороны. Вторая же дверь открывалась от меня, и, хотя она тоже была закрыта и на замок, и на задвижку, я остановился на ней.

Мой план сводился к следующему. Оказавшись на крыше дома, выходящего на Пейн-стрит, и беспрепятственно спустившись вниз, я, возможно, смогу пулей промчаться через двор и выбраться через соседние дома на Вашингтон-стрит или Брейт-стрит. В худшем случае пробегу по Пейн-стрит и на первом же повороте сверну к югу, попав опять же на Вашингтон-стрит. Без этой улицы мне не обойтись: нужно срочно выбираться из центра города. Особенно следовало избегать Пейн-стрит: дежурство на пожарной вышке могло продолжаться и ночью.

Прикидывая так и эдак, я не спускал глаз с раскинувшейся внизу бесконечной и унылой череды ветхих крыш, залитых ярким полнолунием. Справа панораму прорезала река, падавшая в черную пасть ущелья, а вдоль нее лепились к берегам брошенные фабрики и железнодорожный вокзал. Отсюда в глубину заболоченной местности, усеянной сухими кочками, уходили ржавые рельсы и проселочная дорога на Раули. Слева у расширявшегося устья реки в лунном сиянии виднелась узкая дорога на Инсуич. Столь нужное мне шоссе на Архем с этой стороны не просматривалось.

Я все еще размышлял, каким способом лучше всего открыть боковую дверь, да еще притом бесшумно, как снизу до моего слуха донесся какой-то шум, а затем ступени лестницы пронзительно закрипели. Сквозь щель пробился слабый отблеск света, а пол в коридоре глухо застонал: тащили что-то тяжелое. Все это сопровождалось чем-то отдаленно похожим на человеческую речь, а скорее бормотание. Затем раздался мощный удар в дверь.

Затаив дыхание, я замер. До следующего удара, казалось, прошла вечность. Резко и явственно усилился и без того невыносимый рыбный запах. И вот ударили снова. Затем еще и еще. С каждым разом дверь все больше поддавалась. Нужно было действовать. Открыв задвижку на боковой двери, я приготовился ее высадить. Наружная дверь оглушительно сотрясалась, так что вряд ли меня услышат. Несколько раз я с силой ударил в дверь плечом, не обращая

внимания на сильную боль. Казавшиеся тонкими доски, однако, не уступали. Но я не сдавался. Снаружи тоже били почем зря.

Наконец дверь поддалась, но с таким грохотом, что его не могли не услышать в коридоре. В ту же минуту оттуда заколотили еще яростнее, а вскоре справа и слева от меня загремели ключи. Противники явно поняли, в чем дело. Рванувшись вперед, я влетел в соседний номер и мигом закрыл задвижку на двери, ведущей в коридор, еще до того, как в замок вставили ключ. Только успел я это сделать, как услышал, что вставляют ключ в наружную дверь третьей комнаты, из окна которой я собирался бежать.

У меня упало сердце. Из номера, где я очутился, побег был невозможен, я находился в ловушке. Меня охватил ужас, вдобавок ко всему мой фонарик внезапно высветил на полу следы взломщика, пытавшегося проникнуть в мою комнату. Чудовищные, ни на что не похожие следы! Кто мог оставить их? Несмотря на полную безнадежность ситуации, я шагнул к следующей двери и толкнул ее, уже автоматически стремясь помешать вторжению из коридора.

Мне неожиданно повезло: дверь оказалась не только не заперта, но и приоткрыта. В мгновение ока я, подскочив к наружной двери, припер ее плечом и правым коленом. Это сбilo с толку взломщика, а мне дало время укрепить задвижку. Получив небольшую передышку, я попытался собраться с мыслями. В наружные двери уже не барабанили. Зато за южной боковой дверью, которую держала кровать, слышалось растерянное бормотание.

Стало быть, мои враги проникли в южную комнату и теперь готовят атаку оттуда. Одновременно заскрипела наружная дверь в другой соседней комнате. Новая опасность поджидала меня!

Хотя вход в соседний номер был свободен, у меня уже не доставало времени преградить путь преследователю. Я бросился к боковой двери, запер ее на задвижку, а затем проделал то же самое с противоположной. К одной придвинул комод, к другой кровать, а к наружной — умывальник. Теперь осталось только надеяться, что таким образом я выиграю время и успею выбраться из окна на крышу дома, а оттуда — на Пейн-стрит. Но даже в этот опаснейший момент меня ужасала не столько моя почти полная незащищенность, сколько то, что преследователи не издали ни единого нормального человеческого звука, а только мерзко пыхтели, хрюкали и приглушенно, отрывисто лаяли.

Придвинув к дверям мебель, я бросился к окну и тогда же услышал громкий топот в коридоре. В южной комнате стало тихо — все побежали в примыкающую к моей с северной стороны. Враги, по-видимому, надумали сосредоточить свои усилия и выломать там тонкую боковую дверь. Я выглянул из окна. Луна ярко освещала крутой скат кровли — прыгать на него было опасно.

Все взвесив, я выбрал второе, более удобное окно, решив прыгать на скат, спускающийся во внутренний дворик, и с крыши проникнуть внутрь дома через слуховое окно. Если не подоспеет погоня, то разыщю в этом ветхом строении путь вниз и выскользну на улицу. Потом буду выбираться отсюда, петляя и прячась в подворотнях и темных дворах, пока не выйду на Вашингтон-стрит. А там уж прямо на юг прочь из города...

Удары сотрясали смежную дверь, я видел уже, как гнутся тонкие доски. Взломщики, очевидно, использовали для тарана что-то массивное. И все-таки приставленная кровать держала дверь довольно прочно, и это давало мне некоторый шанс на спасение. Открывая окно, я заметил, что по обеим его сторонам свисают тяжелые велюровые занавеси, прикрепленные медными

кольцами к карнизу. И еще увидел снаружи железку для закрепления ставен, которая вполне могла сойти за крюк. Появилась возможность избежать опасного прыжка, и я не долго думая сорвал шторы вместе с карнизом и всем прочим. Надев два кольца на крюк, я выбросил шторы наружу. Их тяжелые складки коснулись крыши. У меня не было сомнений, что занавеси и крюк выдержат меня. Выбираясь из окна и спускаясь по импровизированной веревочной лестнице, я надеялся, что навсегда покидаю зловещее место.

Благополучно съехав на крутую, крытую шифером крышу, я без помех добрался до слухового окошка и неслышно скользнул в него. Окно только что покинутой мною комнаты оставалось пока темным, зато вся северная часть города светилась зловещими огнями. Они горели в «Союзе Дагона», в бывшей баптистской и, наконец, в бывшей конгрегационистской церкви — той, о которой я не мог вспомнить без содрогания. Двор тоже пока оставался пуст, и я надеялся миновать его, прежде чем обнаружится, что мне удалось улизнуть. Направив луч фонарика вниз, я убедился, что никакого спуска от слухового окна нет — остается прыгать вниз. Высота, к счастью, была небольшая. Я приземлился на заставленный трухлявыми ящичками и бочками пол, взбив облако пыли.

Помещение выглядело премерзко, но у меня не было времени осматриваться. Фонарик выхватил из тьмы лестницу, и я тут же бросился к ней. Перед этим успел, правда, взглянуть на часы: было ровно два часа ночи. Ступени под ногами зашкрипели, правда не так уж громко, и, миновав пролет похожего на казарму второго этажа, я оказался внизу. Там царило полное запустение — шаги мои гулко отзывались в тишине. Наконец я увидел в отдалении слабо освещенный прямоугольник — выход на Пейн-стрит. На противоположной стороне я нашел открытой дверь черного хода и, перелетев одним прыжком пять каменных ступеней, оказался на поросших травой камнях внутреннего двора.

Лунный свет не проникал сюда, но мне все же удавалось различать путь, не прибегая к фонарику. Некоторые окна гостиницы тускло светились, оттуда доносился неясный шум. Пробираясь к пустым строениям, граничащим с Вашингтон-стрит, я заметил в них несколько распахнутых дверей и вошел в тот дом, который, на мой взгляд, лучше других подходил для моих целей. Внутри было темно и пусто. Я быстро пересек помещение, но тут же убедился, что дверь на Вашингтон-стрит плотно заколочена. Решив попытать счастья в другом доме, стал ощупью пробираться назад, к черному ходу, но на пороге застыл, объятый страхом.

Из дверей гостиницы на улицу выходили одна за другой темные диковинные фигуры. Мерцали огни фонарей. Между собой эти тени обменивались какими-то жуткими квакающими звуками, каких и в помине нет в английском языке. Они беспорядочно металась то туда, то сюда. Значит, не представляли, куда я мог деться, и это открытие несколько обнадеживало. Однако страх не отпускал меня, и вот почему. Хотя я не мог разглядеть лиц, на меня производила чрезвычайно отталкивающее впечатление их шаркающая походка на полусогнутых ногах. Но особенно неприятно поразило необычное облачение одного из моих врагов, а также уже знакомая тиара, украшавшая его голову. Существа рассеялись по всему двору — мне стало совсем жутко. А что, если из этого дома нет другого выхода? Рыбное зловоние усиливалось, и у меня уже не хватало сил выносить его. На ощупь ориентируясь в потемках, я снова побрел через холл, наткнулся на какую-то дверь, открыл ее и попал в пустую комнату. Стекла в окнах здесь отсутствовали, а сами окна были полуприкрыты ставнями. Не задумываясь я перемахнул через подоконник и, спрыгнув на тротуар, захлопнул побыстрее ставни.